

Подытоживая сказанное, отметим, что в действующем законодательстве дифференциация уголовной ответственности несовершеннолетних выглядит недостаточно оптимальной. Решение данного вопроса должно производиться с учетом сохранения межотраслевых связей уголовного права, разумного сочетания унификации и дифференциации ответственности несовершеннолетних.

Библиографические ссылки

1. Андрухин, Н.Г. Об эффективности дифференциации исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении несовершеннолетних / Н.Г. Андрухин, В.П. Замыцких // Реформа уголовно-исполнительной системы России: состояние, проблемы, перспективы. Рязань, 2004.
2. Астемиров, З.А. Уголовная ответственность и наказание несовершеннолетних / З.А. Астемиров. М., 1970.
3. Бакаев, А.А. Система профилактики правонарушений несовершеннолетних : учеб. пособие / А.А. Бакаев. М., 2004.
4. Благов, Е.В. Основы применения уголовного права : учеб. пособие / Е.В. Благов. Ярославль, 1992.
5. Загородников, Н.И. Советское уголовное право. Общая и Особенная части / Н.И. Загородников. М., 1975.
6. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : (постатейный) / отв. ред. Л.Л. Кругликов. М., 2005.
7. Коняхин, В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права / В.П. Коняхин. СПб., 2002.
8. Кругликов, Л.Л. Дифференциация ответственности в уголовном праве / Л.Л. Кругликов, А.В. Васильевский. СПб., 2002.
9. Кузнецова, Н.Ф. Наука российского уголовного права и законотворчество (историко-сравнительный очерк) / Н.Ф. Кузнецова // Ученые-юристы МГУ о современном праве / под ред. М.К. Треушников. М., 2005.
10. Новицкий, И.Б. Римское право / И.Б. Новицкий. М., 2001.
11. Решетников, Ф.М. Правовые системы стран мира : справочник / Ф.М. Решетников. М., 1993.
12. Российское законодательство X–XX вв. М., 1986. Т. 4.
13. Таганцев, Н.С. Русское уголовное право: часть общая : в 2 т. / Н.С. Таганцев. Тула : Автограф, 2001. Т. 1.
14. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь : текст по сост. на 1 марта 2003 г. Минск, 2003.
15. Уголовный кодекс Республики Узбекистан. СПб., 2001.
16. Уголовный кодекс Эстонской Республики. СПб., 2001.
17. Шадрина, Е.Г. Взаимосвязь российского уголовного, уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального права: проблемы рассогласования и согласования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е.Г. Шадрина. Самара, 2003.

В.П. Шиенок, профессор факультета права
Белорусского государственного экономиче-
ского университета, доктор юридических
наук, профессор;

В.А. Багиров, ассоциированный профессор
Балтийской международной академии

ПОНЯТИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПРАВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ, РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЛАТВИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Исследуется процесс возникновения и утверждения в международных правовых и нормативных актах Беларуси, России и Латвии и ряда других стран понятия «интеллектуальная собственность». Анализируются мнения ученых-теоретиков относительно адекватности использования данного понятия в современных условиях. Обосновывается, что при наметившемся замещении в текстах нормативных актов данного понятия более точным понятием «исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности» полностью отказаться от термина «интеллектуальная собственность» было бы преждевременным. По результатам исследования большинства сформулированных в специальной литературе и используемых в нормативных правовых актах указанных стран определений интеллектуальной собственности предлагается в качестве основного и универсального понятия компромиссный термин – «исключительные права на результаты интеллектуальной и иной приравняваемой к ней деятельности (интеллектуальная собственность)».

Широко известному в настоящее время понятию «интеллектуальная собственность» не так много лет. Не то, чтобы собственно сам этот институт отсутствовал в реальности (основные образующие его составные части известны с XVIII в.), но его обобщенное определение (дефиниция) не было сформулировано и более или менее надлежащим способом нормативно закреплено. Вызвано это было в основном отсутствием соответствующей компетентной и полномочной организации – своеобразного центра, способного и имеющего право это осуществить.

Во второй половине 60-х гг. прошлого века идея создания такой организации окончательно сформировалась, и в 1967 г. была учреждена Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС). И 14 июля в Стокгольме странами-организаторами была подписана конвенция, учреждающая эту организацию, получившую в 1974 г. статус специализированного учреждения Организации Объединенных Наций и ставшую к настоящему времени авторитетным международным органом [9].

Известно, что именно в тексте данной конвенции впервые и была сделана попытка дефиниции интеллектуальной собственности. Согласно ст. 2 (VIII) интеллектуальная собственность включает права, относящиеся к литературным, художественным и научным произведениям; исполнительской деятельности артистов, звукозаписи, радио- и телепередачам; изобретениям во всех областях человеческой деятельности; научным открытиям; промышленным образцам; товарным знакам, знакам обслуживания, фирменным наименованиям и коммерческим обозначениям; защите против недобросовестной конкуренции; а также все другие права, относящиеся к интеллектуальной деятельности в производственной, научной, литературной и художественной областях. Естественно, что с доктринальной точки зрения указанную норму конвенции собственно определением назвать нельзя, но в нормативных актах, в том числе и международно-правовых, таких задач, как правило, не ставится.

Несколько по-иному, с учетом поправки «на время», термин интеллектуальная собственность толкуется Соглашением по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (далее – Соглашением ТРИПС), являющимся Приложением 1С к Соглашению об учреждении Всемирной Торговой Организации (ВТО) от 15 апреля 1994 г. (Марракешское соглашение). Согласно Соглашению ТРИПС (п. 2 ст. 2 и разд. 1–7 ч. II) интеллектуальная собственность включает в себя авторское право и смежные права, товарные знаки, географические указания, промышленные образцы, патенты, топологии (топографии) интегральных микросхем, закрытую информацию [13].

Характерно, что имеющийся в Соглашении ТРИПС разд. 8 (ст. 40), относящийся к контролю за антиконкурентной практикой, в состав интеллектуальной собственности не включен. Это, на наш взгляд, оправдано, так как состав исследуемого института составляют охраняемые объекты и связанные с ними права, а защита (по конвенции ВОИС) и контроль (по Соглашению ТРИПС) предполагают действия, связанные с охраной интеллектуальной собственности, нарушение прав на которую является сопутствующей и, как правило, неотъемлемой компонентой противозаконной конкуренции.

Термин «интеллектуальная собственность» используется и в законодательстве Республики Беларусь. В Конституции (ст. 51) провозглашена ее охрана государством [11]. В свою очередь, в действующем Гражданском кодексе Республики Беларусь (ст. 979–1030 разд. V) детально регламентируются правоотношения в интеллектуальной сфере. Статья 980 ГК (в редакции закона Республики Беларусь от 17 июля 2002 г.) относит к объектам интеллектуальной собственности:

1) результаты интеллектуальной деятельности: произведения науки, литературы и искусства; исполнения, фонограммы и передачи организаций вещания; изобретения, полезные модели, промышленные образцы; селекционные достижения; топологии интегральных микросхем; нераскрытая информация, в том числе секреты производства (ноу-хау);

2) средства индивидуализации участников гражданского оборота, товаров, работ или услуг: фирменные наименования; товарные знаки (знаки обслуживания); географические указания;

3) другие результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации участников гражданского оборота, товаров, работ или услуг в случаях, предусмотренных ГК и иными законодательными актами [8].

В национальном законодательстве Латвийской Республики (ЛР) нет обобщающего понятия интеллектуальной собственности. В Конституции ЛР с учетом изменений 1988 г. (ст. 113) продекларировано, что государство защищает авторские и патентные права [10]. Непосредственно термин «интеллектуальная собственность» (без необходимой расшифровки) прописан в Гражданском процессуальном законе ЛР [4], в законах «О подоходном налоге с населения» [14] и «О подоходном налоге с предприятий» [15]. В Гражданском законе ЛР 1937 г., поэтапно восстановленном в действии на территории республики в 1992–1993 гг., интеллектуальная собственность не упоминается вовсе.

Несмотря на то что сам по себе термин «интеллектуальная собственность» дефинирован относительно недавно, он достаточно прочно вошел в нормативно-правовую, научную и общественный оборот. Тем не менее в последнее время специалисты все чаще высказывают мнение о неудачности и неточности данного понятия. Именно поэтому в нормативно-правовых актах и научной литературе в последние годы все чаще вместо термина «интеллектуальная собственность» используется понятие, более полно раскрывающее сущность правоотношений в интеллектуальной сфере, а именно «исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности». Именно так озаглавлен разд. V ГК Республики Беларусь. Раздел VII, входящий в ч. 4 ГК Российской Федерации от 18 декабря 2006 г., озаглавлен несколько подробнее – «Права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации» [3]. Из указанного видно, что в ГК РФ из названия раздела выпал привычный термин «исключительные», и выпал он по причине закрепления в основном гражданском законе России новой терминологической концепции.

Известно, что исключительные права являются правами имущественными. Это напрямую закреплено как ГК Республики Беларусь (ст. 983), так и ГК Российской Федерации (ст. 1226). Имеются соответствующие нормы и в специальных законах Латвийской Республики. Имущественный характер исключительных прав закреплен также всеми главными международно-правовыми актами по интеллектуальной собственности. Современное международно-правовое регулирование исходит из того, что за правообладателем закрепляется исключительное право использовать свое произведение (изобретение, средство индивидуализации и др.) в любой форме и любым способом. Презюмируется, что это право неразрывно связано и с правом правообладателя на получение вознаграждения.

Целому ряду правообладателей (в первую очередь авторам творческих произведений, изобретателям, промышленным дизайнерам) помимо прав имущественных принадлежат также личные неимущественные права (право на обнародование произведения, авторство, авторское имя и др.) и некоторые другие специальные права (например, право следования для авторов произведений изобразительного искусства и др.). При этом указанные неимущественные права в соответствии с законодательством действуют бессрочно и сохраняются за правообладателями при переходе их имущественных прав к другим лицам (например, по наследству, договору или лицензии). Термин же «интеллектуальная собственность» изначально в соответствии с буквой и духом Конвенции, учредившей ВОИС, предполагал совокупность имущественных и неимущественных прав на результаты интеллектуальной деятельности, ввиду чего название разд. V ГК Республики Беларусь содержит соответствующее уточнение, представляющее собой заключенный в скобки упомянутый термин. Полное название разд. V ГК выглядит следующим образом: «Исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности (интеллектуальная собственность)».

Латвийский законодатель указанную терминологию не использует из-за отсутствия, как указывалось выше, в национальном законодательстве обобщенного понятия интеллектуальной собственности и из-за того, что нормы, регулирующие правоотношения в интеллектуальной сфере, не кодифицированы, а представлены в виде отдельных специальных законов.

Российский законодатель пошел другим путем. В конце 1990-х гг. профессор В. Дозорцев, один из разработчиков ч. IV ГК РФ, ввел в научный оборот новый (точнее, старый, известный с XIX в., но прочно забытый) термин – «интеллектуальные права», призванный логически и концептуально объединить оба вышеуказанных понятия в одно целое [5, с. 54–55]. Данное универсальное понятие включает в себя как исключительные (имущественные), так и личные неимущественные права автора творческого результата, а также иные его права, не классифицированные как имущественные и личные, но прописанные и в профильном законодательстве Латвии и Беларуси (право следования, право доступа, право на подачу заявки на изобретение, промышленный образец, селекционное достижение, право на получение патента и др.). За прошедшие несколько лет предложенный термин стал устойчиво приживаться в российской научной литературе, о чем свидетельствует его использование и другими авторами [6].

Этот новый правовой институт был включен в качестве юридической новеллы в ч. IV ГК РФ (ст. 1226), что вызвало неоднозначную реакцию оппонентов еще на стадии публичного обсуждения проекта указанной части ГК. Так, директор российского НИИ интеллектуальной собственности В.Н. Лопатин высказал мнение о нецелесообразности введения в российское законодательство понятий, принципиально отличающихся от общепринятых в международном праве интеллектуальной собственности. Более того, он (вкуче с другими, на его взгляд, недостатками проекта) обозначил это малополезным с точки зрения правоприменения, а «с учетом последствий для защиты национальных интересов России даже вредным» [12, с. 11]. Не менее отрицательно о новом понятии, «которое неизвестно мировой практике», высказался и известный теоретик интеллектуальной собственности профессор А.П. Сергеев [17, с. 9–10]. К слову, весь спектр мнений (преимущественно критических) и по данному вопросу, и в целом относительно ч. 4 ГК РФ нашел свое отражение в выпущенной специально в связи с этим событием «Белой книге» [2].

С высказанными мнениями, на наш взгляд, трудно согласиться, так как предложенный термин существенно уточняет суть понятия и соединяет в одно целый комплекс прав, принадлежащих правообладателю и реализующихся в конкретных правоотношениях, как правило, в нераздельном режиме. Так в реальных обстоятельствах в спорных случаях для получения вознаграждения за использование произведения (имущественное право) необходимо доказать право авторства на него (неимущественное право).

Несмотря на то что критика указанного понятия продолжилась и после вступления ч. 4 ГК РФ в силу, справедливости ради следует отметить, что у нового термина есть и сторонники из числа из-

вестных теоретиков и практиков интеллектуальной собственности [7; 16]. Очень активно ч. 4 ГК РФ поддержал выдающийся российский правовед, член-корреспондент РАН С.С. Алексеев [1, с. 66–69, 72].

Включение указанного термина в текст гражданского закона в некоторой степени подвело черту под ведущейся по этому поводу (не только собственно в России) полемикой, переводя ее на исключительно теоретический уровень. Кроме того, что особенно показательно, узаконение нового института положило начало отказа от использования в российском законодательстве традиционного понятия «интеллектуальная собственность».

Суммируя вышеизложенные положения, закрепленные в национальных законодательствах и международно-правовых актах, и точки зрения специалистов по данной проблеме, представляется возможным сделать следующие выводы.

Несмотря на то что понятие «интеллектуальная собственность» введено в нормативно-правовой, научный и общественный оборот относительно недавно (40 лет для формирования и утверждения значимого элемента юридической лексики – срок небольшой), к настоящему времени, по мнению многих законодателей, он морально устарел и не в полной мере раскрывает сущность явления, которое представляет. С этим фактом, на наш взгляд, нельзя не согласиться. Кроме того, это понятие (даже терминологически) никак не проецируется на действующий в данных специфических правоотношениях правовой режим. Более того, законодательная практика уже многих стран идет по пути отказа от данного понятия.

Понятие «интеллектуальная собственность» все более, и на всех уровнях использования, вытесняется более точным понятием «исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности». Именно этот термин точнее всего определяет действующий в регулировании творческих правоотношениях правовой режим и по сути является приоритетным при его использовании в текстах нормативных актов многих стран. Так, именно данный термин приоритетно используется в законодательстве Беларуси и России. Следует добавить, что на таких же позициях стоит законодатель Австрии, Норвегии, Швеции, Дании, ФРГ, Швейцарии, Японии, США [16, с. 11].

Тем не менее, несмотря на вышеозначенные тенденции, полностью отказаться от использования термина «интеллектуальная собственность», на наш взгляд, было бы преждевременным. Это понятие продолжает еще широко использоваться как в национальном законодательстве целого ряда стран, так и международно-правовых актах, оно входит главной составной частью в название ведущей международной специализированной организации – ВОИС – и содержится как главное понятие в тексте международной конвенции, эту организацию учредившей. Кроме того, понятие это продолжает широко использоваться в специальной научной литературе и в публицистике. Представляется, что вполне приемлемый выход из создавшейся ситуации избрал законодатель Беларуси, равноправно использующий в действующем ГК в качестве синонимов оба понятия – «исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности» и «интеллектуальную собственность».

Что же касается введенного в российское законодательство нового понятия «исключительные права», то на теоретическом уровне, на наш взгляд, он достоин всяческой поддержки как термин, позволяющий преодолеть триаду прав (личные неимущественные, исключительные и иные права), принадлежащих правообладателям результатов интеллектуальной деятельности. Но, с другой стороны, он еще на одну единицу увеличивает количество терминов, обращающихся в правовой и общественной среде, связанной с правоотношениями в интеллектуальной сфере. Известно, что кроме собственно интеллектуальной собственности и исключительных прав в данной среде присутствуют и такие понятия, как «промышленная собственность», «литературная собственность» (как варианты – «научно-литературная» и «литературно-художественная собственность»), «собственность на средства индивидуализации» и др. Кроме того, временная и территориальная практика использования данного понятия пока еще невелика, а сам термин за пределами РФ пока не воспринят ни партнерами по СНГ, ни целым рядом авторитетных российских теоретиков и практиков интеллектуальной собственности. Этот неоспоримый факт был оценен и самим российским законодателем, который дополнил окончательную редакцию ст. 1225 ч. 4 ГК, включив в ее текст термин «интеллектуальная собственность» как синоним понятия «результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации», примерно так же как, это сделано в ГК Республики Беларусь.

Ввиду того что нормы правового регулирования в интеллектуальной сфере, как выяснено, распространяются не только на результаты собственно интеллектуальной деятельности, но и на другие, близкие и сходные с указанной деятельностью объекты и связанные с ними права (средства индивидуализации, некоторые виды смежных прав и т.д.), а правообладателям принадлежат не только исключительные (имущественные), но и личные неимущественные и иные права, представляется целе-

сообразным, на наш взгляд, для достижения терминологического единства ввести в научный и нормативно-правовой оборот отвечающее изложенной концепции понятие «права на результаты интеллектуальной и иной, приравняваемой к ней, деятельности (интеллектуальная собственность)», производя для этого соответствующие изменения в нормативных актах Беларуси и Латвии.

Библиографические ссылки

1. Алексеев, С.С. Право собственности. Проблемы теории / С.С. Алексеев. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2007.
2. Белая книга: история и проблемы кодификации законодательства об интеллектуальной собственности : сб. док., материалов и науч. ст. / под ред. В.Н. Лопатина. М. : Изд-во Совета Федерации, 2007.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2006 года № 230-ФЗ. Принят Государственной Думой 24 ноября 2006 года. Одобрен Советом Федерации 8 декабря 2006 года // Рос. газ. 22 дек. 2006 г.
4. Гражданский процессуальный закон ЛР от 14 октября 1998 года (гл. 30/2 в ред. закона от 14 дек. 2006 г.) // Интеллектуальная собственность : сб. норматив. актов / сост. В.А. Багиров. 6-е изд., доп. Рига : ВІВ, 2008.
5. Дозорцев, В.А. Интеллектуальные права : Понятие. Система. Задачи / В.А. Дозорцев М. : Статут, 2003.
6. Интеллектуальная собственность (исключительные права) / под ред. Н.М. Коршунова. М. : Эксмо, 2006.
7. Калятин, В. Авторское право в проекте части четвертой Гражданского кодекса РФ / В. Калятин // ИС. Автор. право и смеж. права. 2006. № 9.
8. Комментарий к Гражданскому кодексу Республики Беларусь : в 3 т. / отв. ред. В.Ф. Чигир. Минск : Ред. журн. «Пром.-торговое право», 2003. Т. 3.
9. Конвенция, учреждающая Всемирную Организацию Интеллектуальной Собственности. Подписана в Стокгольме 14 июля 1967 года. Женева : Публ. ВОИС № 250(R), 1995.
10. Конституция Латвийской Республики. Рига : ВІВ, 2006.
11. Конституция Республики Беларусь 1994 года : (с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1994 г. и 17 окт. 2004 г.). Минск : Амалфея, 2005.
12. Лопатин, В.Н. Проект четвертой части ГК РФ и национальные интересы России / В.Н. Лопатин // Информ. право. 2006. № 2.
13. Минков, А.М. Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (Соглашение ТРИПС). Неофициальный рабочий перевод / А.М. Минков // Международная охрана интеллектуальной собственности. СПб. : Питер, 2001.
14. О подоходном налоге с населения : закон ЛР от 11 мая 1993 г. (ст. 3 с изм., внес. по сост. на 17 мая 2007 г.) // Интеллектуальная собственность : сб. норматив. актов / сост. В.А. Багиров. 6-е изд., доп. Рига : ВІВ, 2008.
15. О подоходном налоге с предприятий : закон ЛР от 9 февраля 1995 г. (ст. 3 с изм., внес. по сост. на 17 мая 2007 г.) // Интеллектуальная собственность : сб. норматив. актов / сост. В.А. Багиров. 6-е изд., доп. Рига : ВІВ, 2008.
16. Рузакова, О. Юридическая природа прав на результаты интеллектуальной деятельности с учетом нового законодательства / О. Рузакова // ИС. Автор. право и смеж. права. 2007. № 12.
17. Сергеев, А. Заключение на проект части четвертой Гражданского кодекса РФ / А. Сергеев // ИС. Автор. право и смеж. права. 2006. № 7.